

НОВОЕ О ПУШКИНЕ.

(По неизданным материалам).

Неизвестная одесская расписка Пушкина.

Одесса Мая 23 дня 1824 года. По случаю отправления меня для собрания сведений о саранчи в уездах Херсонском, Александровском и Елизаветградском, на уплату прогонов в две почтовые лошади при мерно четырехста рублей Ассигнациями от казначея Титулярного Советника Архангельского.

Получил Коллежский Секретарь

Александр Пушкин.

Этот неизвестный ранее интереснейший документ обнаружен студентом Одесского Института Народного образования Г. П. Сербским во время работ в архиве Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторства (книжки финансово-отчетности 1823 г., №79/71 л. 194) по обследованию в 1920-1921 г. г. всех материалов, относящихся к эпохе пребывания Пушкина в Одессе. Как известно, вопрос о первом (и вместе с тем последнем) служебном поручении гр. Воронцова официально состоявшему в штате его канцелярии «коллежскому секретарю Александру Пушкину» до сих пор представлялся в своих основаниях не достаточно выясненным. И, если для самого поэта эта командировка для обследования меркантильной провинциальной власти по борьбе с саранчой являлась предлогом для открытого разрыва с гр. Воронцовым, фактического отказа от исполнения предписания, требования немедленной отставки и резкого указания на то, что получаемое им содержание есть не вознаграждение за службу, а паек сыльного арестанта, то многочисленные исследователи Пушкина все еще не пришли к скольнибудь определенно

Одесса Мая 23 дня 1824 года. По случаю отправления меня для собрания сведений о саранче в уездах Херсонском, Александровском и Елизаветградском, на уплату прогонов в две почтовые лошади при мерно четырехста рублей Ассигнациями от казначея Титулярного Советника Архангельского.

Иван

*Министр Комиссар
Сергей Иванович
Порубин*

время предполагаемого выезда Пушкина в командировку и тем самым сокращает его отсутствие из Одессы до 6 дней, в какой срок же только было бы невозможным — при тогдашних путях сообщения — осуществление воронцовского задания, но и обследование хотя бы одного из указанных Пушкину трех уездов:

Урок царям.

13 февраля 1820 года Пьер Лувель, мастер изобрести для Бутбургов, как

губернатора в Новороссию, центр которой — Одесса и уездная, (благодаря этому Пушкина в 1821 и 1823-1824 г.г. Прямое отношение, к ввозившему в Петербургские сферы публикуемому демонстрационному портрету Лувеля должно иметь найденное нами в архиве министерства народного просвещения (№ 182119, дело 1820 г. № 44) дело неизвестное официальное отношение князя А. Н. Голицына на имя попечителя московского учебного округа, допустившего воспроизведение «возмутительного» портрета в одном из популярнейших журналов того времени.

избыло это по причинам совершенно от автора не зависящим. И действительно, но, если яркое и необычайно резкое разрешение в поэме байронической проблемы мятежа сильной личности против общественности, «вечная пламенная тиряда о «невеселых душных городах», о власти «дегек да цепей», наконец, самый апофеоз анархического коллективизма испечен чаш даже вопрос о возможности опубликования «Цыган» в годы ссылки, то и по окончании последней Пушкин рискнул поставить вопрос о полном издании поэмы, лишь получив 30 сентября 1826 г. официальные заверения гр. Бенкендорфа, что «сочинений его яко бы «никто рассматривать не будет, на них нет ни какой цензуры: государь император сам будет и первым ценителем произведений ваших и цензором». Как известно, заверения эти оказались ложными, и якобы из «земля произведений Пушкина из сферы ведения общих цензурных установлений, шэф жандармов устанавливал фактически для них тройной фильтр — цензуры сыбной, цензуры III отделения и, наконец, личного усмотрения самого вельможи. Ближайшим образом пришлось Пушкину столкнуться с этими ротатками при издании два года спустя тем законченных «Цыган». 7 декабря 1826 г. известный поэт и лицейский товарищ Пушкина бар. А. А. Дельвиг обратился в главный цензурный комитет со следующим (впервые публикуемым нами) заявлением:

В главный цензурный комитет,
Титулярного советника
барона Дельвига

Прошение

По поручению коллежского секретаря Александра Сергеевича Пушкина предлагаю издать в свет при сем прилагаем. рукопись — поэму его под заглавием: «Цыган», имею честь представить оную на основании §§ 50 и 51-го высочайше утвержденного 10-го июня сего года устава о цензуре, прося покорнейше дать мне дозволение к напечатанию сей.

Титулярный советник барон Антон Дельвиг.

тер, дадов, отнесшихся к эпохе пребывания Пушкина в Одессе. Как известно, вопрос о первом (и вместе с тем последнем) служебном поручении гр. Воронцова официально состоявшему в штате его канцелярии «коллегийскому секретарю Александру Пушкину» до сих пор представлялся в своих основаниях не достаточно выясненным. И, если для самого поэта эта командировка для «беле-дзавания мерзоприятий провинциальных властей по борьбе с охранной деятельностью для открытого разрыва с гр. Воронцовым, фактического отказа от исполнения предписания, требования немедленной отставки и резкого указания на то, что получаемое им содержание есть не вознаграждение за службу, а знак ссыльного арестанта, то многочисленные исследователи Пушкина все еще не пришли к скольнибудь определенному заключению о причинах этого нежелательного разрыва. Во всяком случае, благодаря вновь найденным в Одессе материалам, все традиционные версии о причинах командировки Пушкина (напр. Н. О. Лернера, полагающего, вслед за Ф. Ф. Вигелем, что командировка имела целью усиление поэта, или П. В. Анненкова и А. И. Марневича, на основании данных Липранди утверждавших, что гр. Воронцов просто хотел дать Пушкину удобный случай выслужиться), равно как и все варианты анекдота о написанных якобы Пушкиным стихах «Сарапча летела, летела и села» и т. п. приходится отныне считать совершенно несостоятельными. Полжизненным предстает пока только одно: определенные тенденции гр. Воронцова удалять Пушкина на некоторое время из Одессы и резкое нежелание поэта, вплоть до фактического отказа от исполнения предписания, исполнить волю начальства, т. е. «стоять на продолжительный срок в отъезде».

Вновь найденная пушкинская рукопись, тесно связанная с документами, начато опубликовано кол. рых молодых проф. К. П. Зеленецкий еще в 1854 году в «Москвитянке», несколько отодвигает

время предполагаемого выезда Пушкина в командировку и тем самым сокращает его отсутствие из Одессы до 6 дней, в какой-либо срок не только было бы невозможным — при тогдашних путях сообщения — осуществление воронцовского задания, но и обследование хотя бы одного из указанных Пушкину трех уездов.

Урок царям.

13 февраля 1820 года Пьер Лувель, мечтая искоренить род Бурбонов, как враг в свободы, убил наследника французского престола герцога Беррийского. Событие это, совпавшее с известиями об успехах испанской революции и о смертном приговоре Карлу Xанду за коловшему в Мангейме А. Ксчебу — одно из вдохновителей немецкой реакции, — не могло не произвести сильнейшего впечатления на радикально настроенную русскую молодежь обеих столиц. Резкие эпиграммы на императора Александра и его сподвижников омрачились и у Пушкина в это время требованиями революционного дела, мыслями о царев убийстве (см. напр. признание черново го письма к царю в 1825 г.), а некоторая природная неуравновешенность, а быть может, и своеобразие бреттерство, обуславливают неожиданное демонстрирование им в театре портрета Лувеля, привлекающего всеобщее внимание благодаря красноречивой подписи Пушкина: **Урок царям**. Как свидетельствуют очевидцы этого эпизода, Д. Н. Свербеев и А. Г. Родзянко, Пушкин коротко этот показывал «ходя по рядам красел и позволяя при этом возмутительные отрывки», а известный историк Александровских войн ген. Михайловский-Данилевский в своих записках сообщает на выходку Пушкина, как на особенно яркое доказательство «прозвучавшего усиление гося в стране духа либерализма». Предстает совершенно несомненным, что именно демонстрация Пушкиным портрета Лувеля и послужил ближайшим поводом к высылке поэта из Петербурга в Новороссию, центр которой — Одесса и увидела, благодаря этому Пушкина в 1821 и 1823-1824 гг. Прямое отношение к вызволившему Петербуржскому оферту публикуемому портрету Пушкиным портрета Лувеля должно иметь найденное нами в архиве министерства народного просвещения (№ 182119, дело 1820 г. № 44) диспеше неизвестное официальное отношение князя А. Н. Голицына на имя попечителя московского учебного округа, допустившего воспроизведение «возмутительного» портрета в одном из популярнейших журналов того времени.

Попечителю московского учебного округа.

По случаю приложенной при двенадцатом номере «Вестника Европы», месяце июня 1820 года, картинка, предстала, черты Лувеля считано пушки, по этому просить ваше сиятельство о поручении центральному комитету наблюдать, дабы впредь не были издаваемы изображения такого рода людей, каков сей убийца, которого изображение запрещено даже и во Франции, и конк память должна быть не сохранена в томстве, но истребляема; тем более, что таковое обнаружение и приведение в известность лицезображения удовольствия для благонамренных читательей, ни чести для издателя.

Министр духовных дел и народного просвещения князь Александр Голицын.

Директор В. Пешов.

Попечителю московского учебного округа.

По случаю приложенной при двенадцатом номере «Вестника Европы», месяце июня 1820 года, картинка, предстала, черты Лувеля считано пушки, по этому просить ваше сиятельство о поручении центральному комитету наблюдать, дабы впредь не были издаваемы изображения такого рода людей, каков сей убийца, которого изображение запрещено даже и во Франции, и конк память должна быть не сохранена в томстве, но истребляема; тем более, что таковое обнаружение и приведение в известность лицезображения удовольствия для благонамренных читательей, ни чести для издателя.

Министр духовных дел и народного просвещения князь Александр Голицын.

Директор В. Пешов.

Как разрешены были к выпуску в свет «Цыганы».

Поэма «Цыганы» начата Пушкиным в конце 1823 г. в Одессе и оконченная 10 октября 1824 г. в Михайловском увидела свет только в середине 1827 г. Как свидетельствуют вновь найденные документальные данные архивов III отделения и СИБ цензурного комитета, про-

шим образом пришло Пушкину столкнуться с этими рогатками при издании два года перед тем законченных «Цыган». 7 декабря 1826 г. известный поэт и лицейский товарищ Пушкина бар. А. А. Дельвич обратился в главный цензурный комитет со следующим (впервые публикуемым нами) заявлением:

В главный цензурный комитет,
Титулярного советника

барона Дельвича

Прощения

По поручению коллежского секретаря Александра Сергеевича Пушкина предстала издать в свет при сем прилагаем. рукопись — поэму его под заглавием: «Цыганы», имею честь представить оную на основании §§ 50 и 51-го высочайше утвержденного 10-го июня сего года устава о цензуре, прося покорнейше дать мне дозволение к напечатанию сей.

Титулярный советник барон Антон Дельвич.

Декабря 1826-го года.

Жительство имею московской части 2-го квартала в доме купца Кувшинникова под № 168-м.

Рассмотрение поэмы поручено было цензору В. Гавевскому, который, как видно из официального протокола, отказался взять на себя разрешение «Цыган» к печати и представил на усмотрение комитета... около 150 стихов определенных им как «сомнительные» или прямо «предосудительные» в 10 местах произведения, замечания В. Гавевского, очевидно, не были признаны основательными — и 10 декабря 1826 г. цензурный комитет постановил допустить поэму к опубликованию. Однако, тогда же привели в исполнение постановление это не принялось, ибо как раз во время хлопот Дельвича гр. Бенкендорф, до сведения которого дошло, что Пушкин печатает по все свои произведения, потребовал в крайне развой форме у поэта объяснений, на каком основании он предвзятельно не осведомил шефа жандармов о своих намерениях. Пушкину не оставалось ничего иного, как немедленно остановить печатание всех своих ранее разрешенных в нас общедо цензурой — произведений, а бар. Дельвича просить о доставлении их на новый просмотр в III отделение. Совершенно неожиданно жандармский рецензент отнесся не обыкновенно снисходительно к полученному им для отзыва величайшему из художественных достижений Пушкина сдеского периода: «В «Цыганах» — отметил он — хотя и говорить о свободе у

вольности, или, лучше сказать, хотя в сей пьесе упоминаются эти слова, но это не стремление к воссламенному умов де политическая свобода и вольность (так называемые), но вольность цыганской бездомной жизни, свобода степей. Без всякого сомнения, сколько ни будет хорошо описана цыганская жизнь и нравы истующих, ничто не бросит свежо и не шроманяет книжку гордецу на цыганскую. Это лучшее произведение Пушкина в литературном отношении. В роде Байрона. Случайный отзыв этот предопределил благосклонное отношение к «Цыганам» и высшего начальства. Представляется совершенно несомненным, что, ознакомившись с кандамарской пьесой и пр. Б. и император Николай одобри уже из личным непосредственным ознакомлением с пьесой — по крайней мере никаких следов чуждого имени «Цыган» не сохранилось. 4 марта 1827 г. пр. Канцлерский офицер адно осведомил Пушкина о немении пр. Канцлерский к выпуску пьесы в свет, но — по обыкновению своему — не промилнул при этом сделать поэту несколько резких замечаний: «Барон Дельвиц, котораго я вовсе не имею чести знать — писал ш.ф. жандармов — проповедал ко мне пять обвинений ваших, я не могу скрыть вам крайнего моего удивления, что вы избрали посредника в сношениях со мною, основанных на высочайшем соизволении. Я возвратил сочинения ваши г. Дельвицу и поспеваю вас уведомить, что я представлял самые государю императору, произведения эти, из коих одно даже одобрено уже ш.ф. зурло, не заключают в себе ничего противного цензурным правилам». Получив таким образом известие III отделения, «Цыган» поступил в печать, из которого вышли только через месяц, 15 мая 1827 г. в петербургских газетах появились следующие объявления: «Цыган» — новая прелестная безделька А. С. Пушкина, написанная в 1824 г., вышла из печати и продается в книжном магазине А. Ф. Смирдина». Однако, мытарство «Цыган» этим не кончилось. До выхода произведения в свет начальство шефа жандармов неожиданно привлекла помещенная на обложке поэмы виньетка, относительно которой немедленно предложено было московскому жандарму оксму генералу Волкову произвести особое секретное дознание. «Итак Пушкин ли доставил ее в типографию, и в таком случае — сам ли он ее нарисовал или кто другой, и кто имел право. Определенных указаний на то, что в этой виньетке возбуждено подозрение сделано не было но, очевидно, сомнения Бенков

дорфа относятся могли только к одной амбл. малюпческой ед детали: кинжал, разбивающему цепи. Пушкин же эта амблема — «свободы тайный страж, нарающий кинжал, последний судия позора и обиды» — думал была быть особенно допята, а правительству императора Николая она не могла не напомнить об одном из самых революционных произведений величайшего русского поэта. Следствие, однако, не дало материала для юнаретного обвинения: типограф Анд. Семенов показал, что «виньетная виньетка, в числе нескольких ед других, куплена им за границей для украшения своих изданий и что с нее сделан особый оттиск в альбоме, подлинником его велит еству во время торжественных торжеств». В виду этого «дело» пришлось прекратить и «Цыган» получили, наконец, право гражданства.

Проф. Ю. Г. ОКСМАН.

„ЗДЕСЬ ЖИЛ ПУШКИН“

Стансы.

Италия. Город. Порто-Франко.
Море в залив скумбрий выливает.
Летняя жажда — и спозаранку
Пресной водой водовоз прельщает.
Летняя жажда, но осень, осень!
— Осенью проше дома и дачи.
Что из того!
Если в гости просят,
Только-б ходили ногам в придачу.
Грязь горожанам, царям — губерния:
Для иностранных купцов торговля.
Но итальянцам — концерт вечерний.
А рыбакам — паруса и лавля.
Каждому в мире дано немощко.
Нужно в империи знать приличие:
Если в аквариум бросить крошку,
Разные рыбы плывут к добыче!

Империя. Город, площадь, пушка,
Памятник Пушкину — камень внукам
Но для царей,
Как игра в Петрушку,
Легкой игрою — чужая мука.
Здесь, на обрыв выходя:
«Игнатье!»
Он говорил и смотрел с обрыва,

Полный корабль отплывал в Испанию,
Парус был груб и поставлен криво.

Черное море и камень внукам.
Площадь. Республика. Ветер. Лето.
Зной, как песок — и печеным луком
Пахнет и зной, и песок нагретый.
Только и то, что одна погода!
Море шумит,
Но шумит и черпалка.
Это в порту углубляют воду
И по решетке проходят палкой

СЕРГЕЙ БОНДАРК.

Пушкин об Одессе.

Любезный Пушкин, твои описания — грамота на бессмертие для нашего города.

Туманский.

Еще во время почти трехлетнего пребывания в Кишиневе Пушкин, пользуясь сношительными стью своего начальника Пизова, иногда бывал в Одессе, и этот уголок Европы, бойкий и пестрый, на ряду с азиатской бессарабской жизни, внушал поэтому симпатию и надежду, надолго прервав в город, облегчить свое изгнание. И наконец, когда с почетом А. И. Тургенева Пушкин поселился в Одессе, он, благодаря Тургеневу за участие, писал ему, что только сейчас, слушая шум прибоя и блуждая в тихом свету фонарей и звезд, чувствует себя много лучше. «Надобно мне провести 3 года в душном азиатском заточении», писал Пушкин — чтобы почувствовать цену и невольного европейского города». Почти в то же время в письме к Л. С. Пушкину (25 августа 1823 г.) поэт писал: «оставил мою Молдавию и явился в Европу — Петербург и итальянская опера напомнили мне старину и ей богу обновили мою душу... Теперь я кляну в Одессе и все еще не могу привыкнуть к европейскому образу жизни: впрочем, я нигде не бываю — кроме в театре».

Итальянская опера, бывшая тогда в Одессе, увлекала поэта и он всегда отзывался о ней с восторгом: «России и итальянская опера!» — писал Пушкин Дельвицу — «и же мой это представителю райа бесного!» а в 1823 году Пушкин опять писал неизвестным дамам: «проезжайте

неба ради! У нас есть для вас приманка: балы, итальянская опера, вечно ра, концерты».

Одесса же походила на один из русских городов — это была вольная гавань, и в городе торжественно праздновали винном и любовью мешалась со скромными ми, как подсолнух, тихими улицами окраин. Неудивительно, что во всех своих письмах того периода (1823-4) Пушкин подчеркивает этот меркантильный дух города. Одесса жила западом и ближним востоком и даже русская столичная литература проникла сюда с трудом: ею никто не интересовался. В письме к П. А. Вяземскому (4 декабря 23 г.) Пушкин отвечал по поводу его, Вяземского — статьи, жалел о не возможности прочесть ее — «Одесса город европейский» — вот почему русские книги здесь не водятся».

Пушкин досадовал, что не был в Одессе в разгар освободительного движения Империализма. Уже после первого своего посещения Одессы, Пушкин писал неизвестным лицам: «... в Одессе я уже не застал любопытного зрелища в лавках, на улицах, в трактирах — все де собралось толпы греков: все продавали за ничто свое имущество, пьезу наши сабли, ружья, пистолеты, все го валили об Леонид, об фемистокле, все шли в войска счастливица Империализма. И уже тогда Пушкин отзывался об Одессе, как об исключительном городе: «кто ро оставил благолюбивую Бессарабию, есть страны благолюбивее» (Дельвицу 1821 г.). «С радостью приехал бы я в Одессу побеседовать с вами и подышать чистым европейским воздухом» (Тургеневу 1821).

Прожив в Одессе лето и осень 1823 года, Пушкин отметил недостатки города уже в письме к тому же Тургеневу (декабрь 23), называя Одессу «прозаической».

Самое полное и лучшее его описание города это XVII—XXVII строфы стихов о странствованиях Онегина.

Я жил тогда в Одессе пыльной,
Там дело ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свой подметлет паруса: —
Там все Европой дышит веселое
Все блещет югом и пестротой
Разнообразием живой:
Язык Италии злато
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
И грек и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли
Корсарь в отставке Мораль

Глядясь — и площадь запестрела
Все оживилось; здесь и там
Бегут за делом и без дела.